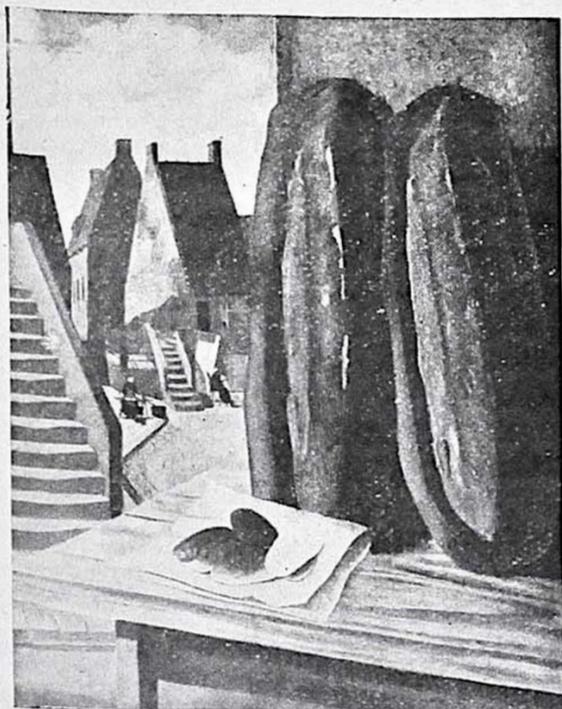

Русское искусство у художника

В. Шухаевъ: Портретъ художника, его жены и Александра Яковлева

В. Шухаевъ: Nature Morte.

Эта картина вмѣстѣ съ другимъ нормандскимъ натюръ-мортъ и «Рыбаками» будетъ выставлена въ Тюильрийскомъ Салонѣ.

Въ ателье у В. И. Шухаева висятъ огромныя полотна. Этому художника влечетъ къ себѣ «большая картина» — трудная работа надъ большимъ полотномъ. И въ то же время — въ творчествѣ этого художника властно звучитъ обращенный къ нему свыше и обращаемый имъ къ другимъ — призывъ къ возрожденію искусства «старыхъ мастеровъ».

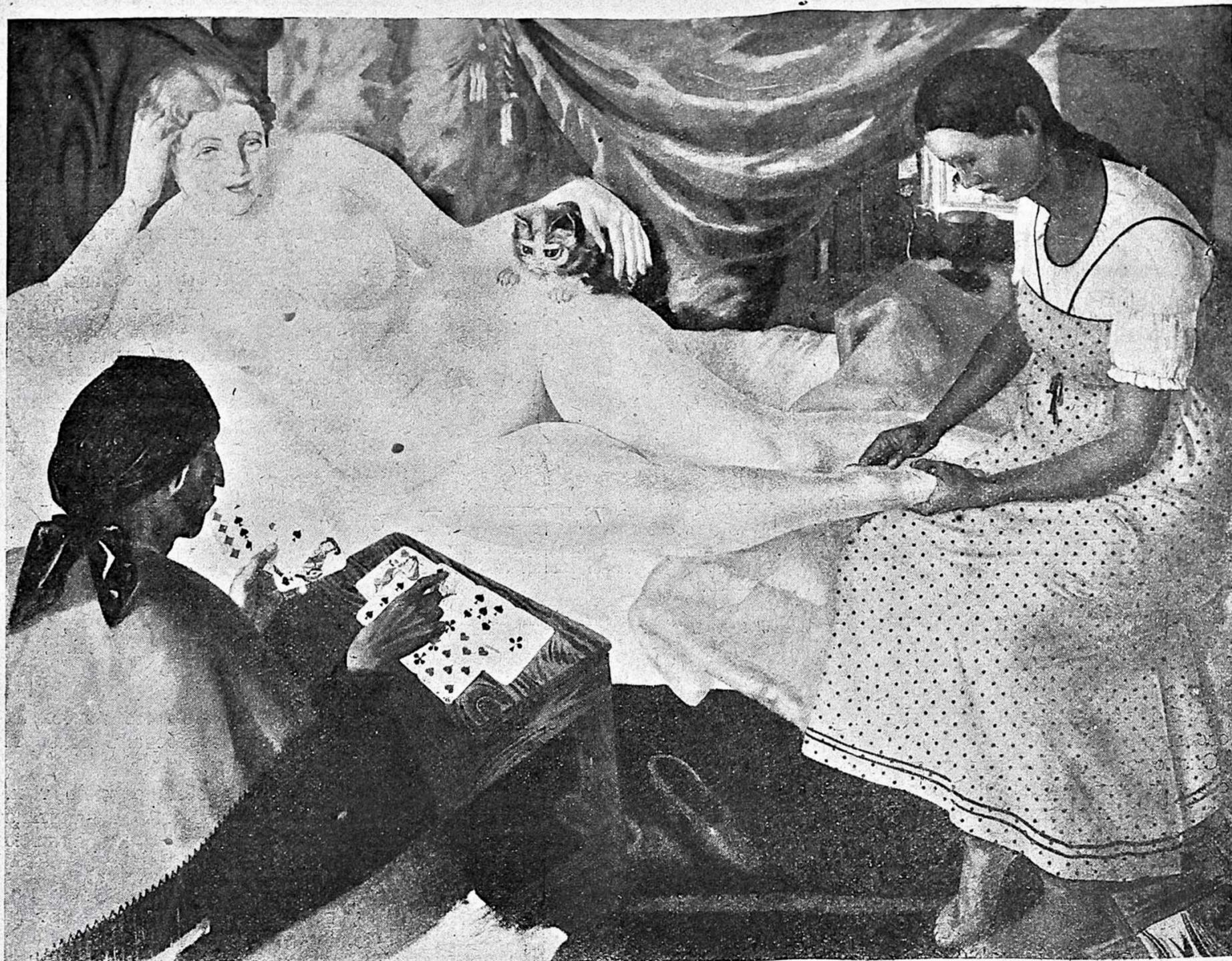
Если бы вы вошли сейчасъ въ мастерскую Шухаева, вы увидѣли бы высоко на стѣнѣ большое полотно, написанное имъ еще въ 1923 г. на библейскій сюжетъ, запечатлѣнный, между прочимъ, и на фрескѣ Рафаэля — о прекрасномъ Іосифѣ и женѣ Пентефрія. А годъ тому назадъ, на этомъ же самомъ мѣстѣ, помнится, висѣлъ великолѣпный портретъ г-жи Андреевой, выставившейся на международной выставкѣ Карнеги — сдержанный и строгій, свидѣтельствующій о неискоренимости изъ живописи «чернаго».

Большой значительный сюжетъ и въ то же время мастерство техники, вотъ — задачи, поставленныя и счастливо разрѣшаемыя въ творчествѣ В. И. Шухаевъ.

Для весенняго Тюильрийскаго Салона, который откроется въ ближайшія недѣли, художникъ въ настоящее время заканчиваетъ большое полотно: своихъ «Рыбаковъ» — четыре большія головы нормандскихъ «морскихъ волковъ» — четыре огромныхъ человѣческихъ лица на фонѣ вздымающагося моря и обдуваемаго сѣверными шквалами побережья. Въ этой большой картинѣ любопытны, между прочимъ, двѣ детали. Одна изъ нихъ до нѣкоторой степени эксцентрична: это — огромный патологически разросшійся носъ одного изъ этихъ рыбаковъ — напоминающій собою морского краба. Если вы обратите вниманіе на это самого художника, то онъ съ улыбкой вамъ скажетъ, что это-то уродство какъ разъ и подсказало ему эту его композицію, и тутъ же въ оправданіе, навѣрное, напомнитъ, что такія особенности лица влекли къ себѣ и старинныхъ мастеровъ — быть можетъ, напомнитъ вамъ луврскій портретъ флорентійскаго графа Франческо Сассетти съ его внукомъ. По поводу же другой детали — «русскости» четвертаго рыбака — художникъ признается что таковъ уже былъ его,

За границей

В. И. ШУХАЕВА

В. Шухаевъ: За гаданьемъ (будетъ выставлена на выставкѣ учениковъ художника).

капризъ перенести сюда это лицо съ сѣвернаго финскаго портрета.

Одновременно съ устремленіемъ къ стилю старыхъ великихъ мастеровъ Запада, въ Шухаевѣ неизбывно живетъ русская душа.

Еще краснорѣчивѣе объ этой русской его душѣ говоритъ другое большое полотно, также заканчиваемое сейчасъ художникомъ и предназначенное имъ для выставки его учениковъ, которая откроется въ концѣ мая въ галереѣ Друанъ. Эта картина («За гаданіемъ») переноситъ насъ въ наше русское «дореформенное» прошлое, въ дворянскую крѣпостную провинцію и открываетъ передъ нами русскую не столько Луврскую «Олимпію» Манэ или энгровскую «Одалиску», сколько русскую героиню Тициана. Такъ же, какъ въ своей знаменитой, находящейся теперь въ Люксембургскомъ Музеѣ, картинѣ обнаженной женщины за туалетомъ Шухаевъ далъ когда-то русскую тинтореттовскую «Сусанну», на этомъ по-

лотнѣ теперь онъ возвращается къ сюжету великихъ мастеровъ, отысканному въ нашемъ своеобразномъ русскомъ быту.

И рядомъ съ этимъ любопытная подробность: въ день моего посѣщенія мастерской В. И. Шухаева, прямо противъ мольберта, на которомъ художникъ поставилъ это полотно, съ другой шухаевской картины на этотъ русскій міръ, смотрѣлъ высоко со стѣны западный европеецъ, самый элегантный въ современномъ Парижѣ, редакторъ «La Vogue» г. Вожелль, изображенный спускающимся по мраморной лѣстницѣ парижскаго театра — въ безупречномъ черномъ фракѣ и высокомъ цилиндрѣ...

Невольно, прощаясь съ художникомъ, я думалъ объ этомъ столкновении столь разныхъ міровъ, создаваемомъ въ мастерской В. И. Шухаева.

— Тицианъ, Тинторетто, западная современность и... наша Россія!

В. Шухаевъ: Портретъ г-жи Герасимовой

Одна изъ послѣднихъ работъ, выполненныхъ В. И. Шухаевымъ въ Парижѣ, теперь находится въ Австраліи.

Лоліи Львовъ.

№ 13 (98)
Парижъ, суббота 26 Марта 1927 г.
Цѣна отд. № 3 фр.
во Франціи

№ 13 (98)
Samedi, 26 Mars 1927, Paris
Prix du numéro 3 fr.
en France

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

4-й годъ изданія
Редакторъ: М. П. МИРОНОВЪ
Редакция и Гл. Контора:
34, rue de Moscou, Paris (8)
Тѣл.: Central 92-26

РОССИЯ

4-ème année
Directeur: M. MIRONOFF
Rédaction et Administration
34, rue de Moscou, Paris (8)
Tél.: Central 92-26

**Новая русская
королева
Парижа.**

**La nouvelle reine
de la colonie
russe à
Paris.**

Кира Склярова (19 лѣтъ), избранная 18-го марта, на балу «Иллюстрированной Россіи, королевой русской колоніи Парижа, на 1927 годъ. Справа отъ нея— королева Парижа М-лле Симона. За ними: М. П. Мироновъ и председатель Парижскаго комитета празднествъ Г. Сабатье.

M-lle Kira Skliaroff, nouvelle reine de la colonie russe à Paris, élue le 18 mars, au bal de la «Russie Illustrée». A droite — la reine de Paris, M-lle Simona. Debout: Directeur du journal «La Russie Illustrée»—M. Mironoff, à sa droite le président du Comité de Fêtes de Paris, M. Auguste Sabatier.

СОДЕРЖАНИЕ №

„Баба“ рассказ	В. Тоболякова.
„Къ слабѣ“ рассказ	Н. Городецкой.
„Фокусы секретной переписки“ (записки агента французской контръ-развѣдки), очеркъ	Шарля Люсьето.
У художника В. И. Шухаева, очеркъ	Лолія Львова.

Веселый конкурс «Иллюстрированной Россіи».

БУМЕРАНГЪ!!!

«Страничка для дѣтей», «Театръ и Искусство», «Книжная полка», «Парижскія моды», «Спортъ».

Объявленія принимаются въ Главн. Конторѣ «Иллюстр. Россіи» 34, rue de Moscou и въ Конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и Ко. въ Парижѣ 26, rue Buffault Тѣл. Trudaine 80-49.

БАБА.*)

Рассказъ В. Тоболякова.

Нарсудья, недавно прибывшій изъ города для работы въ деревнѣ, перелисталъ еще разъ дѣло въ синей папкѣ и взглянулъ на стоявшаго передъ нимъ мужика съ рыжей, точно дерганой, бородашкой.

— Ефимъ Балинъ, вамъ читали обвинительный актъ, въ чемъ то-есть вы обвиняетесь?..

— Читали, гражданинъ товарищ! Читали... — проговорилъ Балинъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Значить, вотъ и ячейка женотдѣла и милиціонеръ свидѣтельству ютъ, что вы въ кровь, чуть не до смерти забили свою жену, Аксиныю Балину...

Балинъ обидчиво посмотрѣлъ на судью:

— Напраслину возводишь... Бабу это нашу вѣрно побилъ тогда въ престолъ на Фрола и Лавра, а что Оксинья никакой не трогаль...

— Да вѣдь Аксиныя ваша жена? — недоумѣвающе спросилъ судья. — Какъ зовутъ вашу жену?...

— Жану? — мужикъ словно силился что-то вспомнить. — А кто ее знаетъ?.. Мы-то ее всѣ бабой кличемъ...

— Слушайте, гражданинъ Балинъ, зачѣмъ вы запираетесь? Чего вы плетете, что имени своей жены не знаете? Все равно судъ призоветъ Аксиныю Балину и выяснитъ, жена ли она вамъ или нѣтъ?...

— Плету, — усмѣхнулся мужикъ.

— Намъ плести нечего. Намъ за это деньги не платятъ. А только кто ее знаетъ, какъ ее зовутъ. На крестинахъ у ей я не былъ. А дома всѣ бабой кличемъ...

— Да вы давно съ ней живете?

— А кто его знаетъ? Годовъ, поди, сорокъ живу. Ты вотъ считай... Внуки ужъ у меня за сохой ходятъ. Оксинья?.. Кто ее знаетъ, какъ ее зовутъ?.. А только вотъ какъ передъ истиннымъ никакой Оксиньи я не трогаль...

— Стыдъ какой, не знаешь имени своей жены... Поди какъ собакъ зовутъ дакъ знаешь?..

— А какъ же? — удивился мужикъ.

— Собака безъ клички не поидеть. У меня вонъ два: «Дружокъ», да «Жучка». Былъ еще «Полканъ!» да его въ третьемъ годѣ волки разодрали... Такой хорошей кобель былъ...

— Вотъ видишь всю родословную собакъ помнишь, а жену не знаешь по имени... Припаяетъ тебѣ судъ годъ съ изоляціей, тогда вспомнишь...

— Это ужъ воля ваша... А только налоги я въ строки плачу. Тоже года два съ армейцами въ подводахъ ходилъ... И никакой Оксиньи я не трогаль... Вотъ какъ передъ истиннымъ...

— Сѣрость. Дикость! — возмутился судья. — Въ городѣ не повѣрятъ, чтобъ имени своей жены не помнить. Смотри, я всѣхъ женъ помню. Сейчасъ у меня жену зовутъ Марія Ивановна, до этого была Любовь Антоновна, въ 23 году — Лизавета Петровна...

— Чудно-о... — мужикъ улыбался и недоувѣрчиво смотрѣлъ на судью.

— Всѣхъ помню! — хвастался судья. — До Лизаветы Петровны жилъ и въ Загсъ ходилъ съ Катериной... Или нѣтъ Шура, кажется, была... Кажется Шура... Вотъ запомнятъ одну... Впрочемъ, жилъ я съ ней недолго...

— Чудно-о...

Судья смутился и забормоталъ:

— Ну, ладно! Иди! Да смотри, въ слѣдующій разъ и пальцемъ не тронь Аксиныю, или какъ тамъ жену-то зовутъ... На первый разъ примемъ во вниманье темноту твою...

Мужикъ вышелъ, надѣлъ въ сѣняхъ шапку, а судья все вспоминалъ:

— Или Лида?.. Нѣтъ, не Соня ли?.. Хотя съ Соней я весной развелся... Вѣдь, вотъ заковыка!..

И, наморщивъ лобъ, судья недово льно смотрѣлъ по сторонамъ.

Вл. Тоболяковъ.

Р. С. Быть можетъ, читатель не повѣритъ. Но выдумалъ я только конецъ, а вотъ начало:

«Работа инструкторовъ Губздрава на мѣстахъ затрудняется многими причинами, и первая изъ нихъ — ужасающая неграмотность населенія. Одинъ товарищъ рассказываетъ о мужикѣ, забывшемъ имя своей жены: «то ли Аксиныя, то ли Аграфена... бабой зову».

*) «К.»